

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187>

Оригинальная научная статья

Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции

С. Е. Ноева (Карманова)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ Noyeva79@mail.ru

Аннотация

Актуальность работы продиктована попыткой формирования методологии исследования якутского городского текста, который актуализирует аутентичный объект анализа – мифологический пласт текста города Якутска. Научная новизна определяется попыткой нового осмысления города как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную систему. Репрезентация образа города в художественном тексте как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира, является на сегодня одним из неисследованных направлений в якутской науке. Цель – определение специфики локального мифа в якутском городском тексте. Задачи: определение мифологического нарратива о сакральном ландшафте города (об озере Сайсары, сопке Чочур Мыраан, долине Туймаада, Южном и Северном мысах, реке Лене), которые составляют первичный уровень мифопоэтического текста; создание типологических различий урбогонических мифов (об основании города, прибытии казаков в Ленский край), этиологических мифов (о происхождении каких-либо природно-культурных особенностей и социальных объектов), эсхатологических мифов (о будущем города), составляющих содержательную часть сакральной биографии города Якутска, которая имеет существенное влияние на формирование городской и национальной идентичности. Объектом исследования выступает специфика городского пространственного мифа, а точнее – компоненты и смыслы мифологии Якутска как текста. Аналитическим инструментом в статье стали междисциплинарный, сравнительный и историко-культурный подходы. Изучение данной проблемы в литературоведческом аспекте способствует выявлению особенностей конструирования национальной картины мира, специфики индивидуального стиля, авторской позиции якутского писателя как носителя национального сознания. Материалом для статьи послужили частично фольклорно-мифологические, исторические источники, также литературные произведения якутских писателей XX века.

Ключевые слова: городской миф, поэтика текста, якутская литература, структура пространства, геокультурные образы, образ Якутска в литературе, национальная картина мира, фольклор, нарратив, символы

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования. Ноева (Карманова) С. Е. Пространственный миф в якутском городском тексте: специфика и функции. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 2. С. 174–187. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187

Original article

Spatial myth in the Yakut urban text: specifics and functions

Sargylana E. Noeva (Karmanova)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS,
Yakutsk, Russian Federation
✉ Noyeva79@mail.ru

Abstract

The relevance of the article is dictated by an attempt to form a methodology for the study of the Yakut urban text, which actualizes the authentic object of analysis – the mythological layer of the text of the town of Yakutsk. The scientific novelty of the article is determined by the attempt of a new understanding of the town as a semantic structure, which is manifested in the constancy of images, universals with cultural, historical, mental community and united in a single artistic system. The representation of the image of the town in a literary text as a segment within which the unique quality of the national world is most vividly revealed is currently one of the unexplored areas in Yakut science. The purpose of the article is to determine the specifics of the local myth in the Yakut urban text. The tasks undertaken include: identifying the mythological narrative about the sacred landscape of the town (about Saisary Lake, Chochur Muraan, Tuymaada valley, Southern and Northern Capes, Lena River), which constitute the primary level of the mythopoeic text; to create typological differences between urban myths (about the founding of the city, the arrival of the Cossacks in the Lena region), etiological myths (about the origin of which-or natural and cultural features and social objects), eschatological myths (about the future of the city), which form a substantial part of the sacred biography of the town of Yakutsk, which has a significant impact on the formation of urban and national identity. The object of the research is the specifics of the urban spatial myth, focusing on the components and meanings of Yakutsk's mythology as a text. Employing interdisciplinary, comparative, and historical-cultural approaches have become an analytical tool in the article. The study of this problem in the literary aspect helps to identify the features of constructing a national picture of the world, the specifics of individual style, and the author's position of the Yakut writer as a bearer of national consciousness. The material for the article is partly folklore, mythological, historical sources, as well as literary works by Yakut writers of the twentieth century.

Keywords: urban myth, poetics of the text, Yakut literature, structure of space, geocultural images, image of Yakutsk in literature, national worldview, folklore, narrative, symbols

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Noeva (Karmanova) S. E. Spatial myth in the Yakut urban text: specifics and functions. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 2. Pp. 174–187. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-2-174-187

Введение

Нынешние реалии жизни, которые ориентированы на глобализационные процессы в мире, способствуют формированию современных актуальных тем в литературоведческой науке, касающихся проблемы самоидентификации, специфики ментального ландшафта. Непосредственно связанное с данными темами

изучение репрезентации художественной структуры города является одним из наиболее эффективных средств проникновения в аутентичную картину мира народа. Исходя из этого, целью данной работы является определение специфики локального мифа в якутском городском тексте. В качестве задач исследования можно назвать определение ядра сакрального ландшафта долины Туймаада, выявление типологии урбогонических, этиологических, эсхатологических видов мифологического нарратива, которые активно участвуют в формировании национальной и региональной идентификации.

Множественные аспекты в изучении механизмов функционирования пространства города определяют необходимость использования новых исследовательских алгоритмов смежных наук (урбанистики, географии, экономики, социологии, архитектуры, культурологии и др.). Формирование новых концепций, обновление терминологического аппарата способствуют расширению ракурсов проблемы «город» в литературе.

Многослойный городской культурный ландшафт, состоящий из множественных фольклорных, мифологических нарративных источников, представляет интереснейший аспект гуманитарных исследований [1–6]. Мифогеографическая модель действительности, исследуемая И. И. Митиным, имеет в основе «представление о множественности интерпретаций каждого места» [3, с. 14]. Термин «палимпсест» он использует в определении системы «из множественных реальностей, в которой каждая из них может в определенных условиях становиться главной; это целостная совокупность пластов, иерархия которых вариативна» [3, с. 14].

Мифологема города, описываемая авторами в разные литературные периоды и в произведениях различного жанра, как мозаика складывается в целостный художественный образ. По словам В. Н. Топорова, свертхтекст «един и связан, хотя он писался многими авторами, потому что он возник где-то на полпути между объектом и теми авторами, которые в данном случае характеризуются наличием некоторых общих принципов отбора и синтезирования материалов» [7 с. 194].

Историко-культурный образ Якутска становится объектом в трудах «Город Якутск в XVII – начале XIX веков» (1957) Ф. Г. Сафронова, «История города Якутска. 1632–1917 гг.» (подг. в 1932 г.) Г. А. Попова, «Общественный строй якутов XVII–XVIII вв.» С. А. Токарева (1945), «Летопись города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1914)» (2004) П. П. Явловского, «Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г.» (подг. в 1957 г.) П. В. Попова и др., в современных исследованиях А. А. Борисова, П. П. Петрова, Н. Н. Радченко, А. Н. Дьячковой (архитектурное наследие, социально-экономические отношения), В. М. Дьяконова (захоронения, кладбища), Е. Н. Романовой, О. А. Парфеновой (этнография города), И. В. Покатиловой (культурные образы), Л. И. Винокуровой (город в восприятии мигрантов), В. Б. Игнатъевой, Д. А. Апросимова (город как место памяти), С. Е. Ноевой (Якутск как литературный образ) и др. В их трудах образ Якутска представляется в качестве единой структуры, где константность образов, универсалий обладает культурно-исторической общностью.

Предания о мистическом Якутске, формирующие целостный нарративный текст городских легенд, находят отражение в виде достаточно разнообразного и интересного материала В. Корякиной «Легенды старого Якутска (мистические рассказы о тайнах Якутска)» (2017), Д. Д. Михайлова «Страшные истории Якутии-2. Легенды Якутска» (2017), книг А. А. Решетниковой-Осаковской «Страшные истории, поведенные Ириной Михайловной Максимовой» (2019), комикса Г. Спиридонова, Р. Маркова «Якутск параллельный» (2016), ютуб-блога блогера Trimid «Страшные истории города Якутска», форума на интернет-сайте Ykt.ru «Пугающие рассказы» (страшилки), мистической экскурсии по городу

«Тайны большого города», цикла рассказов Г. Спиридонова о старом Якутске в информационно-аналитическом портале SakhaNews и др.

Ввиду отсутствия научных изысканий по данной проблеме напрашивается необходимость исследования мифологического нарратива Якутска, репрезентации мифологических образов, мотивов и сюжетов, относящихся к городскому культурному ландшафту. Особое внимание привлекает фольклорный и литературный тексты, где накоплен достаточно большой и интересный исследовательский материал.

Структурообразующие характеристики города Якутска

Сложная нарративная организация Якутска обусловлена его природно-климатическими, экономическими, социальными, культурными и др. особенностями. Необходимо принимать во внимание характеристики и признаки, составляющие уникальный портрет образа города: за Якутском закреплен статус самой северной холодной точки мира. Учитывая территориально-климатические особенности, он воспринимается как «самый холодный город», «город на вечной мерзлоте»; в зависимости от специфики архитектурно-строительного проектирования – как «город на сваях», «город на ножках». Из-за инженерных коммуникаций, прокладываемых над поверхностью грунта, Якутск описывается как «город кишками наружу».

Полагаясь на положение Ю. М. Лотмана о двух типах города в семиотическом пространстве (городе концентрическом, основанном на горе, онтологически связанном с небом, и городе эксцентрическом, находящемся на краю) [8, с. 321] в отношении Якутска можно допустить возможность частичного использования двух положений города. Он эксцентричен в том плане, что, являясь самым далеким городом, окружен ореолом апокалиптичности – находится на краю культурного пространства у реки Лены, пребывая в ситуации острой борьбы с природными катаклизмами. И вместе с тем, несмотря на периферийность, Якутск стремится возвыситься ввысь над трясиной и топью ленского бассейна. Расположенный на «ножках»-сваях из-за вечной мерзлоты (вопреки законам природы), город концентрирует в себе силу человеческого разума и духа. Якутск является сегодня одним из крупных экономических, научных и культурных центров в Сибири.

Материалы, посвященные изучению почти 400-летней истории города, отражены не только во многих монографических работах, но и в различных энциклопедиях, альманахах, сборниках статей, посвященных ретроспекции историко-культурного облика Якутска («Якутск в былые годы... (XVII–XIX вв.): фотографии, рисунки» (1992), «Якутск: история и современность: материалы конференции» (2002), «Город Якутск: история, культура, фольклор» (2007), «История города Якутска: день за днем, год за годом...» (2022) и др.). Многовековой пласт устного, документального, художественного материала хранится в федеральных, республиканских архивах, музеях РС (Я). Специфический слой представляет городской фольклор, отражающий хранящиеся в памяти горожан мифы, слухи, мемы, юмор и т. д. и идентифицирующийся только на определенной территории.

Рождение городского мифа

Локальные городские мифы (легенды, образы культовых мест и т. д.) начинаются с функционирования преданий о рождении Якутска, в которых аккумулированы истории основания самого холодного города в мире.

Якутск, расположенный на севере, на краю культурного пространства, воспринимается как самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле» и пр. Образ Якутска издавна ассоциировался с географической далью, темнотой и физическим холодом. Нужно отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда

характеризовалась как страна мертвых (каторги, тюрем, лагерей), что всегда способствовало утверждению мифического, темного и мрачного образа города [9]. В современное время немного изменилось в восприятии Якутска: путешественники, туристы, прибывшие в республику за впечатлениями, обозначают его как «самый холодный город», «белый город», «город-призрак» с жителями, подобными теням.

Урбогонический миф об основании города Якутска сочетает нарративы о сакральном ландшафте долины Туймаады, в которой расположен нынешний Якутск, и исторические предания о первопроходцах-казаках, основавших город.

Сакральный ландшафт города Якутска состоит из нарративных текстов о священной долине Туймаада, священном озере Сайсары, горе Чочур Мыраан, реке Лене, священных Южном и Северном мысах, которые составляют первичный нарративный уровень сакральной биографии города. В якутских легендах о прибытии в Туймааду первых культурных героев саха, Омогой Бая и Элляя, есть эпизод о духах-иччи этой долины, которые приветствовали людей, вступивших на эти земли: «...наяву и взаправду йэйэхситы и айыысыты в образе старика со старухой стояли и приветствовали (их) у трех елей. Омогой и его люди остановились здесь и установили берестяную урасу» [10, с. 57]. Также существует вариант сказаний о видении шаманом духа-иччи долины, который предстал перед ним в образе госпожи Аан Чэлбэй в богатой одежде, в рысьей шапке и в собольей дохе. Высунувшись из березы с восемью ветвями, она сказала: «Я дух-хозяйка этой страны-бабушки Киэнг Кюэрээйи, выказываю свое доброе расположение, предвидя и зная, что в будущем в этой стране расплодятся люди и скот» [10, с. 64].

Тексты, повествующие о сакральном ландшафте долины, отличаются тем, что местность, в которую прибыли мифические предки народа саха, полюбилась им сразу – рассказчики здесь обычно используют выражение «бу сиргэ куттара-сүрдэрэ тохтуур» (досл. к ней пристали их кут и сюр), обозначающее сильную привязанность, симпатию: «... Омогой на четвертом году переселился в равнину, расположенную между двумя Ытык Хая, где у кургана теперешнего Сахсары поставил средних размеров берестяную урасу. Эта местность сильно полюбилась им, она пришлась по душе» [10, с. 65].

Повествование о сакральной сопке Чочур Мыраан включено в цикл преданий о Тыгын Дархане. На этой священной горе любил отдыхать перед военными походами родоначальник якутов Тыгын Дархан. Его боевой конь «...был гнедой масти и назывался Абытай Арагас. Когда Тыгын-старик собирался на войну, конь чуял это за семь дней и, поднявшись на гору Чочур Мураан, сам вывязывался [не кормился, тренируясь для бега]. Рассказывают, что в этого коня был вселен дух Илбис-Кыыса, который и заставлял коня готовиться к бою» [11, с. 93].

На вершине этой горы был убит сын Тыгын Дархана богатырь Таас Уллунгах (Каменная Ступня): «Оставив лошадей под горой, воины вошли на гору Чочур Муран и подкрались к юрте. Дело было летом и к восходу солнца, когда сон человека наиболее крепок. Дверь не была заперта, и несколько воинов неслышно вошли в юрту. Таас Уллунгах спал на наре, заложив обе ладони под голову, а калека брат спал под нарой. Самый лучший из воинов вонзил копьё под мышкой Таас Уллунгах и тем убил его сразу, не произведя никакого шума» [12, с. 268].

Священные Южная и Северная горы имеют разную функциональную суть: «Южная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения лошадей, а Северная Ытык Хая создана (с предназначением) для размножения рогатого скота» [10, с. 57].

Во всех этих легендах долина Туймаада и включенные в нее топографические объекты со значением сакральности предстают как благодатные красивые места, в описании которых повествователи используют изящные метафоры с лексико-семантическим значением «красота»: Саргылаах Сайсары (досл. Вдохновенная

Сайсары), Киэн Күөрээйи (досл. Широкая Кюерээйи), Күөрэгэйдээх Күөрээйи (досл. Кюерээйи с жаворонком), Күннээх Күөрээйи (досл. Солнечная Кюерээйи), Туналбаннаах Туймаада (досл. Светлая Туймаада), Сэргэх Сэргэлээх (досл. Нескучный Сэргэлээх), Дьоллоох Туймаада (досл. Счастливая Туймаада).

Миф о появлении города аналогичен мифам о сотворении земли из тела животного, комка глины, земли и т. д. «Рождение», разрастание территории города началось со шкуры быка, которую, по легенде, выпросили казаки у родоначальника якутов Тыгына Дархана. Легенда о появлении города на пустом месте («...они разрезали шкуру на тонкие ремешки, охватили ими большое пространство земли и отметили его кольщиками. Прошло несколько лет. Однажды якуты с удивлением заметили, что место это покрылось строениями и там появилось уже много чужеземцев, которые, оказывается, приплыли вниз по течению на плотах и собрали заранее заготовленные привезенные на плотах дома») имеет параллели с северными легендами о мироздании [13, с. 263] – формировании земли из шкуры белки, оленя, кусочка земли и др. Миф о сотворении Якутска из шкуры быка указывает на вторичную природу города, который имеет искусственное начало, в отличие от пространства аласа, имеющего божественное нерукотворное происхождение. Здесь можно отметить, что мотив, связанный со шкурой быка, встречается также в легендах о формировании разных городов, в т. ч. о зарождении города Карфагена.

Миф о появлении города Якутска входит в цикл исторических преданий о Тыгын Дархане: «По некоторым преданиям, Тыгына тоже убили, повесив на трехсаженной виселице; говорят, при этом он, будучи весьма высокого роста, умер будто бы стоя на коленях. Когда после смерти Тыгына взвесили его глазное яблоко, оказалось оно (весом) в 30 фунтов. Голенная кость его оказалась по длине равной ноге до вертлюжной впадины высокого русского человека» [10, с. 10]

Исследователь О. А. Парфенова рассматривает основание города в аспекте мифологической концепции циклической смены смерти и возрождения. Она отмечает, что сражение и последовавшая ритуальная мифологическая смерть Тыгына в остроге обуславливает модификацию пространственных значений – «чужое» пространство становится «своим» [14, с. 15]. Действительно, миф о зарождении Якутска отражает смену культурных формаций, встречу «двух культур, двух эпох, двух социальных систем, одна из которой должна уступить и принести в жертву своего лидера» [14, с. 17]. Башня Дыгына трактуется как мужская фигура, купол – как голова, тело – короб, окна (бойницы) – глаза.

Сюжеты, связанные с основанием города у реки Лены, связаны с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось три раза, т. к. город затопляло). «Однако весенний разлив Лены постепенно подмывал новые стены и башни острога, в результате чего в 1682–84 годах при Якутском воеводе И. Приклонском «на Сайсарском лугу» (ныне район Театра оперы и балета) построили на «готово» новый город, четыре стены с башнями. Это было третье место, в которое был перенесен не раз затопляемый и разрушаемый старый острог» [15, с. 114]. Отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска.

Любопытно мнение Е. Н. Романовой, которая трехкратную смену локации Якутска из-за затопления рассматривает в аспекте мифологического сюжета инициации в качестве основополагающей части сакральной биографии города. Возвращение начальной точки развертывания города в озеро Сайсары, считающееся становищем предков саха Омогоя и Элляя, аналогично обряду посвящения [16, с. 166].

Любопытно, что координаты Якутска повсеместно упоминаются в текстах преданий и легенд о первопредках, прародителях рода саха. К примеру: «Когда

русские разбили Тыгына и заняли местность Сайсары, где теперь стоит город Якутск, шаман Кээрэкээн, который жил неподалеку от этих мест, решил искать другое местожительство, далекое и недоступное для русских» [11, с. 144]; «Однажды зимой сын Тыгына, Чаллаайы, встретил двух тунгусских витязей. Последние бросились бежать, а Чаллаайы погнался за ними. Добежали до Мохсоглоох-Хая [Соколиная скала, находится в 87 верстах выше г. Якутска, на левом берегу Лены]» [11, с. 101]; «Около Табагинского селения (на левом берегу Лены, в 25 км от г. Якутска) в местности Ойюю-Хатынг жил человек с четырьмя сыновьями и прекрасной дочерью» [11, с. 58]; «Однажды она, проломив стенку урасы, выскочила наружу и побежала на юг по берегу Лены. Хара-Уол погнался за ней и едва достиг ее на Немюгюнской равнине (в 60 верстах от г. Якутска, где было местожительство Дыгына)» [11, с. 91] и др. Здесь можно предположить, что конкретное указание Якутска помогает в стремлении мифа к его материализации, это обусловлено дополнительными детальными указаниями расстояния, мер длины в пространстве.

Эсхатологические мотивы в мифологическом аспекте

Предсказание о зарождении города в долине Туймаада встречается уже в преданиях о первопредке саха Омгоге: «Вступив на широкую равнину, расположенную между двумя мысами-горами, увидел я высунувшуюся из березы с восемью ветвями в рысьей шапке и собольей дохе госпожу Аан Чэлбэй – духа страны, она сказала: “Я, дух-хозяйка этой страны – бабушки Киэнг Кюерээйи, высказываю свое доброе расположение, предвидя и зная, что в будущем в этой стране расплодятся люди и скот. Бегают пылающие огни, в этой стране появятся в будущем огнедышащие орудия (предметы). Ну, парень-шаман, направь сюда кого-нибудь счастливого человека для поселения, в будущем размножит он здесь людей и распространит счастье-благополучие”, – сказав так, дух-хозяйка Киэнг Кюерээйи госпожа Аан Чэлбэй скрылась внутри той березы, из которой она вышла» [10, с. 64].

Здесь можно привести пример эсхатологического мифа, связанного с описанием или предсказыванием гибели города, наиболее ярко представленного в легендах о городе Зашиверске, некогда крупном городе с городской ратушей, уездным казначейством, судом, большой церковной библиотекой, магазинами, улицами [17]. Существует легенда о том, как однажды на ярмарке шаман обнаружил закрытый сундук. Вопреки запрету содержимое сундука было роздано людям, которые заразились черной оспой. Впоследствии из-за эпидемии оспы город полностью вымер. В этой легенде присутствуют и сюжет о запретной любви, и предсказание шамана, и мотив проклятья, что представляет развернутую схему эсхатологического мифа.

В произведениях писателей также получают актуализацию мифы, связанные с футуристическим образом города, который наделяется удивительными признаками. Рельефы фантастического Города Будущего обозначены в рассказе П. А. Ойунского «Столетний великий план» (1927), где воспроизведена фантастическая реконструкция города: строительство сверкающих проспектов, высоких зданий, огромных мостов становится неотъемлемой частью проекта футуристического Якутска. «С 2013 года к 2017 году изменится, станет лучше и город Якутск, преобразится весь вид и облик его. Взметнутся ввысь дома из железа и бетона, засверкают хрустальные дворцы. Город, с мощными камнем улицами, заблестит окаймляющими их домами из прозрачного стекла, зазеленеет разными травами-деревями» [18, с. 157].

В романе И. М. Гоголева «Черный стерх» (1977–1987) встречается эпизод о пророчестве удаганки про надвигающийся железный век – рассказ о странном городе с железными птицами, железными быками, орущими и бегающими над озером Сайсары, пугает жителей старого города: «Бу куоракка кутум-сүрүм

тохтообот буолла. Бу бүтэһик киирэ сылдыһым. Дыктини көрүүлэнэбин... Көрүүлэнэхпинэ, Туймаада эбэ үрдүнэн төбөтө суох тимир көтөрдөр күүгүнүү көтөр буолахтара... Сайсары күүлүн аттынан тимир оҕустар орулуу-оруюу тигинэһэ сырсаллар. Тугун дыһибэтэ эбитэ буолла. Тимир үйэ кэлээри гыннаба» [19, с. 10] (Неуютно мне в этом городе. Это мой последний приезд. Видения у меня странные... Вижу, как над долиной Туймадой летают безголовые железные птицы... У озера Сайсары бегут орущие железные быки. Видимо, приближается железный век) (пер. наш – С.Н).

Мифы и предания городского пространства

Отдельный вид урбанистической мифологии – это этиологические мифы о свойствах тех или иных городских объектов, явлений или процессов, которые являются по сути внутренним наполнением города.

К примеру, отдельный вид городских мифов связан с кладбищенскими сюжетами. Беспокойную темную атмосферу отдельных кварталов города некоторые жители связывают с этими сюжетами. Известно, что территория современного города стоит на десяти кладбищах (Спасской некрополи, Никольской некрополи, Богородицкой некрополи, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища Мучин Крест») и погостах (погосты у Троицкого Собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви) [20]. Как отмечает исследователь В. М. Дьяконов, помимо погостов и кладбищ, на территории города были открыты древнеякутские захоронения и могильники. К этим археолого-этнографическим памятникам исследователь относит погребение на Талом озере, у клуба Якутторга и Тыгынов курган [21]. В настоящее время данный культурный слой г. Якутска представляет собой недостаточно изученный аспект истории города. Также несколько лет назад многих горожан волновали споры и разговоры о существовавшем скотомогильнике (возможно, со спорами сибирской язвы) посреди города.

Городские легенды связаны с бывшими кладбищами, на которых сейчас стоят многоквартирные дома. Ныне несуществующее кладбище Мучин Крест, основанное в XIX в., где хоронили погибших и умерших арестантов Якутской тюрьмы, а также нищих и самоубийц, было упомянуто в произведениях нескольких писателей: «*Муучун Кириэһэ диэн ааттаах, киһи угуохтардаах халдьаайыны аннынан ааһан иһэн, Дьылаарба Мэхээлэ эттэ: – Манна түөкүттэр киһини кэмэтэ суох талыыр-өлөрөр сирдэрэ. – Дьэ, оннук! – диэтэ Сэмэн, бастаан иһэн. Биһиги, оҕолор, куттанан: “Оо!” – дэстибит» [22, с. 167] (Когда шли у местности Мучин Крест, мимо могил, Дьыларба Михаил сказал: – В этом месте хулиганы часто грабят, убивают честных людей. – Да, так и есть! – подтвердил Семен. Мы, ребята воскликнули: «О!») (пер. наш – С. Н).*

Городские страшилки дополняются слухами о неупокоенных душах Якутска. Долгое время среди горожан ходили легенды о том, что могила классика якутской литературы, талантливого писателя Н. Д. Неустроева находится под крыльцом магазина. Многим известна легенда, по которой над местом, где возможно захоронена Анна Бестужева, статс-дама Екатерины I, приговоренная к урезанию языка и вечному поселению в Сибирь, пролегает автомобильная трасса [23]. На страницах газет в течение многих лет публикуются статьи о ненайденной могиле известного государственного деятеля, писателя П. А. Ойунского.

Известны случаи, когда историко-культурные памятники, в т. ч. могилы почитаемых людей уничтожались во время строительства дорог и закладки труб. В одной из городских легенд говорится о захоронении (принадлежащем якобы Тыгын Дархану, его жене Аабый и их сыну), извлеченном из Священного

Булгунняха у местности Дыгын Ойбоно на пересечении улиц Лермонтова–Петровского–Ойунского, которое в 1970-х гг. рабочие разровняли с землей [24].

Амбивалентность города, сочетающая две ипостаси города – темную и светлую, сохраняет за Якутском статус мрачного и апокалиптического «города на костях», окруженного ореолом загадочности. К примеру, существует легенда о поющем призрак театра в якутском клубе, который с 1926 г. существовал в здании Троицкого собора. В этом уникальном памятнике старины, возведенном в 1641 г., был Театр эстрады, которой в конце 1990-х гг. превратился в ночной клуб. Таким образом, формирование этиологических мифов города объясняет стремление к осмысливанию освоенного пространства, также внутреннюю противоречивость человеческой природы, обеспечивающей многоплановость в его возможностях адаптации к окружающему миру.

Мифопоэтика Якутска в якутской литературе

Четко очерченные рельефы городского ландшафта были сформированы уже в литературном материале начала XX века – это озеро Сайсары, гора Чочур Мыраан, Зеленый Луг, река Лена, якутская башня-острог, церкви, Кружало, постоянные дворы, улицы и пр. В произведениях первых якутских писателей А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, П. А. Ойунского, Н. Д. Неустроева, В. В. Никифорова–Кулүмнүүра, Г. В. Баишева–Алтан Сарына и др. они становятся семантическим полем, знаковыми местами памяти, в пределах которых обнажаются многочисленные исторические загадки долины Туймаада. Уличная топология, площади, каменные и деревянные дома, кварталы, включая снег, пыль и грязь – все имеет свою уникальную историю и объединено в единую систему северного города Якутска.

Нарративную насыщенность, интерес к многочисленным городским легендам, виртуозное познание «истории дворов» упоминал А. Е. Кулаковский в стихотворении «Саха дьахталларын мэтириэтэ» («Портреты якутских женщин»): *Куорат дьонун / Куччугуйдарыттан билэр, / Атыһыт аймабы / Ахсыларынан аабар, / Олбуордар остуоруйаларын / Нойосуус субуруттар* [25, с. 31] (Жителей города знает с детства, с купцами знаком, дворовые истории знает наизусть) (пер. наш – С. Н.). Наполненность нарративом (слухами, сплетнями) воспринимается в качестве основополагающего признака городского пространства.

Осмысливая нарративный пласт Якутска, можно выделить несколько уровней повествований о биографии города. Во-первых, это повествования, основанные на локальной мифологии долины Туймаада: предания о первопредках Омогое и Эр Соготох Эллье, легенды о жизни и смерти Тыгын Дархана, о голове Мазары Бозекова. Отдельный вид народных преданий составляют повествования, касающиеся непосредственно истории зарождения Якутского острога, дополненные историями о первопроходцах-казаках, воеводах якутского острога. В дальнейшем этот пласт нарратива дополняется воспоминаниями о губернаторе Иване Крафте, якутских купцах и меценатах, народном бунтаре Манчары, политических ссыльных – дворянах, аристократах, участниках «Романовки» и других знаковых фигурах, «прикрепленных» к городу как географически, так и исторически. Тексты легенд о Манчаары, семантически относящиеся к городу Якутску, в качестве материала находят отражение в сборнике «Манчаары норуот номобор» («Манчаары в народных преданиях, 1972), подготовленном исследователями ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В легендах «Прибытие Манчаары в Татту», «Манчаары у Якутска» повествуется как в городе разошелся слух о том, что привезут Манчаары для последующей отправки на каторгу. Городские жители, нарядившиеся для этого случая, на протоке Хатыыстаах большой толпой встречали Манчаары, который спел для них приветственную песню [26].

В раскрытии образа неугомонного Манчаары, формировании сюжета о его первом проступке город имеет определяющее значение как место с деструктивной энергетикой: «(...) оччотообу кэмнэ Аппа унуор харчыабына диэн баара үһү. Тыа дьоно онно бэркэ сылдьаллара, аһыллара. Манчаары эмиэ ол дьыбэ куруук сылдьара. Арай бишрээ, саас олунньу ый саҕана, Манчаары ол харчыабынаҕа киирэн олортобуна, тыаттан бишр сыарҕаҕа олорбут икки дьахтар киирэннэр, онно тохтообуттар. (...) Икки дьахтар дьыбэ киирбиттэрин кэннэ, Манчаары били Өкүлүүнэ диэн дьахтардыын уруккуттан билсэрдии быһыынан оонньооптук. Ол гынан баран, дьахтар төбөтүттэн былааты саралы тардан ылан баран, таһырдыа ыстаммыт. Сыарҕаҕа сытар Бурадьыаскайа малын таарыйа эмиэ харбаан ылбыт уонна олбуор аанынан таһырдыа суурбүт» [26, с. 35] (В те времена за логом, говорят, была харчевня. Сельские люди там часто гостили. Манчары тоже туда ходил. Однажды в феврале, когда Манчары был в этой харчевне, приехали две женщины на санях. (...) Когда женщины вошли в дом, Манчары начал заигрывать с женщиной, с которой был знаком. Он снял платок с ее головы и выскочил на улицу. Заодно схватил с саней вещи Прудецкой и убежал на улицу) (пер. наш – С.Н.).

На основе этих нарративов будут конструироваться литературные истории, раскрывающие художественную историю Якутска. Например, народные предания о публичной порке Манчаары на Малом базаре легли в основу художественного материала поэмы И. Д. Винокурова–Чагылгана, новелл Софр. П. Данилова, романа И. М. Гоголева–Кындыла и др.

В описании города, всегда относящегося к странной, далекой и чужой топографии, якутами-селянами используются выражения *үһү* (досл. говорят), *сураҕа* (досл. по слухам), *быһыылаах* (досл. кажется), *диэн буолла* (досл. будто бы), усиливающие ощущение ментальной удаленности города и способствующие дополнительной мифологизации города, что достаточно ярко проявляется в романе Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» («Весенняя пора», 1944): «*Ону аакт онгорон Сыллай уонна почта тойоно Куоһан куоракка биллэрбиттэр. Ол сэттэри булаары нэһилиэги ангар уһугуттан ньэҥнийэргэ саалаах этэрээт иһэр үһү*» [27, с. 218] (Сыллай и начальник отделения почты Косов доложили в город. В наслеге распространяется новость: говорят, из города едет отряд, чтобы найти и изъять украденные пистолеты), «*Собуруу дойду бүтүннүү үрүҥ буолбут, советскай былаас Саха дойдутугар эрэ хаалбыт. Куораттан үрүҥ офицердар күрээбиттэр. Илинтэн японнар сэриилээн тобу анньан иһэллэр үһү*» [27, с. 218] (Говорят, что в центральных городах власть захватили белые, советская власть осталась только в Якутии. Поэтому, по слухам, из города бежали белые офицеры. Надвигается японская армия).

Собираясь и уплотняясь вокруг смыслового ядра Якутска (реки Лены, Чочур Мыраана, озера Сайсары, местности Сэргэлээх, башни Тыгына и и т. д.), городской ландшафт в разные исторические периоды дополняется разными смыслами. Выстраивается сложная структура города, пространственный конструктор – «город в городе», – в котором, в зависимости от периода и степени восприятия пространства, сменяют друг друга образы города-базара, города-лабиринта, города-университета, города-театра, города-тюрьмы. Это отражается в произведениях П. А. Ойунского, Н. Е. Мординова–Амма Аччыгыйа, В. С. Соловьева–Болот Боотура, Софр. П. Данилова, И. М. Гоголева, Н. А. Лугинова, В. С. Яковлева–Далана и др.

В период перестройки доминирующую позицию занимает модель города-тюрьмы, выступившей персонификацией духа эпохи. Здесь специфично выстраивание модели «города-тюрьмы», апокалиптического Якутска конца XX в. (улицы, больницы, лабиринты ГПУ, тюремные камеры, вокзал, район Сайсар, ночные клубы и др.).

В исторический период присоединения Якутского края к Российскому государству были и военные осады острога, и мятежи, и заключения в острог в результате несогласия некоторой части якутов, выступающих против ясачных сборов и порабощения улусов. О том, что Якутск, изначально построенный как крепость (острог), в мировосприятии саха имел связь с понятием тюрьмы, пишет В. С. Яковлев–Далан: *«Якутскай куоракка хаайыылаахтары тутар сирдэрин острог диэн ааттыыллара тыа сахалара уонна киниттэн былыр-былыргыттан улаханлык салла, куттана үөрэммиттэр этэ. Ол куттал, бадаба, ыраахтаабы воеводаларыттан ыла үөскээбит быһыылааба»* [28, с. 102] (*В Якутске место, где держали заключенных, называли острогом. Издавна острог сильно пугал якутов, этот страх, кажется, был зарожден еще со времен царских воевод*) (пер. наш – С.Н.).

Роман В. Яковлева–Далана «Судьба моя» (1994) повествует о тяжелых годах репрессии 1950-х гг. Топология мрачных коридоров, темных камер якутской тюрьмы, являющаяся одной из основных теневых пространств города Якутска, моделирует отдельный пласт мифологического нарратива: *«Куорат түрмэтэ киин уулуссалартан биридэстэригэр Дзержинскай аатынан уулуссаба турара. Кини урут уһуктаах остуолба маһы кэккэлэппит үрдүк олбуордаах буолара. Онно острог абааһыта үөлүллэн ытыыра үһү диэн кэпсииллэрэ кэнэн тыа дьоно»* [28, с. 102] (Городская тюрьма находилась в центре города по улице Дзержинского. Она имела высокий забор с заостренными бревнами. В народе ходила молва, что там плакал дух тюрьмы (абаасы), случайно зацепившись об острые колья забора) (пер. наш – С.Н.).

В романе часто упоминаются слухи и легенды о почитаемых в народе людях, известных государственных деятелях, писателях, ученых, П. А. Ойунком, М. К. Аммосове, В. В. Никифорове–Кюлюмнюре, А. И. Софронове–Алампа, Г. В. Ксенофонтове, Г. В. Баишеве–Алтан Сарыне и др., встретивших смерть в тюрьмах. Здесь стоит отметить, что, чем табуированнее и опаснее тема, тем выше степень ее сакрализации и мифологизации в культурной памяти.

Получившая актуализацию в 1990-х годах городская мифология, относящаяся к годам репрессии 1930–1950-х гг., непосредственно связана с узкими коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на ул. Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел: *«Мин онно, маннайгы түүммэр, П.А. Ойуунускайы өйдөөн кэлбитим. Оччотообуга дьон барыта кини туһунан уоран, сибигинэнэн кэпсэтэр саха норуотун саамай аһыылаах уола хайдах өлбүтүн туһунан сэрэх-таамах курдук сурах иһиллэрэ: НКВД түрмэтигэр иһинэн ыалдьан өлбүт үһү диэн. Ол төһө кырдьыгын билбэт этим. Ол да буоллар мин оччотообуга төбөбөр Ойуунускайы субу манна өлөрдөхтөрө. Мин эмиз оннук өлөр аналлаах эбит буоллабым диэн санаа “кылам” гыммыта»* [28, с. 27] (В первую ночь в карцере я вспомнил П.А. Ойункомского. В ту пору в народе ходили страшные слухи о смерти самого любимого сына саха. Говорили, что он умер в тюрьме НКВД. Истинной правды я не знал. Но тогда закралась тревожная мысль, что его погубили именно здесь, и, что я тоже умру его смертью) (пер. наш – С. Н.). Подземные лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», «темноту», символизируют катастрофичность всей системы сталинской репрессии [28]

Озеро Сайсары, один из основных образов-маркеров города, от сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в прозе 1990-х гг. в «криминальный район Сайсар» (Е.П. Неймохов «Случай у озера Сайсары», 1988). Автовокзал – один из основных реалий советского счастливого Якутска – в прозе 1990-х гг. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков. Герою прозы конца XX века, несумевшему найти свое предназначение, смысл жизни, город становится пространством несчастья: *«Өлбүт өтөхтөр үрдүлэригэр өрөгөйдөөбүт куорат дьоллоох*

Дьокуускай дэнэрэ мин өйбөр-санаабар баппат» [29, с. 368] (Город, который возвысился на месте мертвых развалин, не может величаться «Счастливым Якутском») (пер. наш – С.Н.).

Мифологические фольклорные, литературные нарративы дополняются впоследствии городскими страшилками (предания о призраках-үөр, рассказы о местах захоронения известных писателей, легенды о поющем призраке якутского театра, призраке удаганки в музее, шаман-дереве у озера Сайсары, доме с призраками на Покровском тракте и др.), «прикрепленными» к городу как географически, так и исторически, которые формируют целостный колоритный вид городского пространства как сложного культурного организма. Они воспроизводят в первую очередь духовный мир человека XXI столетия, живущего в век технических возможностей, но стремящегося к одухотворению своего мира, наполняя его мифами и смыслами.

Заключение

В течение почти 400-летней истории из года в год культурный ландшафт Якутска обрастает новыми смыслами и идеями – это формирует историю города, уникальную мифологию самого холодного города на земле.

В ходе исследования были выявлены такие уровни городской мифологии Якутска: 1) нарративы о сакральной топографии Якутска (о Чочур Мыраане, озере Сайсары, Зеленом Луге, долинах Туймаада, Эркээни, Энциэли, священных Южном и Северном мысах, реке Лена и т. д.); 2) урбогонические мифы об основании города (предания о создании города Якутска из шкуры быка, о трехкратном переносе места города и др.); 3) нарративы о знаковых местах памяти в городском ландшафте (рассказы о якутской башне, церквях, Кружале, кладбище Мучин Крест, шаман-дереве у озера Сайсары и т. д.); 4) истории о городских жителях, известных личностях, событиях (предания об основателях Якутска, воеводах, русских первопроходцах, губернаторах, известных меценатах, купцах; рассказы о ненайденных доселе местах захоронения известных писателей); 5) истории о событиях, произошедших в Якутске (об экспедициях, политических ссыльных, о вооруженном мятеже ссыльных, известном как «Романовка», первом самолете, образовании Якутского государственного университета и др.); 6) отдельное место занимают городские страшилки (легенды о призраках-үөр, неупокоенных душах городских кладбищ, страшилки о поющем призраке якутского театра, бродячем призраке удаганки в краеведческом музее, доме с призраками на Покровском тракте и др.).

Таким образом, можно заключить, что данные мифологические модели, накладываясь друг на друга, создают образ уникального городского ландшафта, который в течение нескольких столетий обрастает, дополняется новыми смыслами, формируя единую сложную смысловую конструкцию, функционирующую по собственным механизмам и принципам. Многоуровневая нарративная система Якутска, представленная в виде *самого холодного города, города на краю, ледяного города, города на курьих ножках*, отражает сложный характер отношений между реальностью и человеком, стремящегося не только осмыслить окружающий мир, но и находить способы адаптации к меняющимся условиям.

Литература

1. Абашев В.В. *Пермь как текст*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та; 2000:404.
2. Замятин Д.Н. Локальные мифы: Модерн и географическое воображение. *Обсерватория культуры*. 2009;(1):13-25.
3. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности. *Communitas*. 2005;(2):12-25.

4. Shi L, Zhu Q. Urban space and representation in literary study. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;(6):223-229. DOI: 10.4236/jss.2018.69015.
5. Donovan P. *No Way of Knowing Crime, Urban Legends, and the Internet*. New York City: Routledge; 2004.
6. Enders J. *Death by Drama and Other Medieval Urban Legends*. University of Chicago Press; 2002.
7. Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. Москва: Прогресс-Культура; 1995:624.
8. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб; 2001:704.
9. Тюпа В.И. *Анализ художественного текста*. Москва: Издательский центр «Академия»; 2006:336.
10. Исторические предания и рассказы якутов. Ч. 1. Москва; Ленинград: АН СССР; 1960:340.
11. Ксенофонов Г.В. *Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов*. Москва: Наука; 1977:256.
12. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск: Як. книж. изд-во; 1979:484.
13. Эргис Г.У. *Очерки по якутскому фольклору*. Якутск: Бичик; 2008:408.
14. Парфенова О.А. Основание города Якутска в мифологическом аспекте *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:14-19.
15. Покатилова И.В. Образы города Якутска. *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2016;(4):109-121.
16. Романова Е.Н. Этнография города и семиотика повседневности. *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:163-168.
17. Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ. Якутск: Як. кн. изд-во; 1977:303.
18. Борисова-Слепцова А. *В поисках золотого зерна*. Якутск: Айар; 2022:370.
19. Гоголев И.М. *Хара кыталык*. Кн. 2. Якутск: Як. книж. изд-во; 1982:288.
20. Петров П.П. *Улицы и площади Якутска*. Якутск: Бичик; 2002:112.
21. Дьяконов В.М. Древние кладбища на территории города Якутска *Якутск: история и современность (к 370-летию города)*. Якутск; 2002:214-219.
22. Неустроев Н.Д. *Төрүөбүт сирбэр, тапталлаах дьоммор*. Якутск: Бичик; 1995:336.
23. <https://1sn.ru/nasedsaya-vesny-i-pokoi-v-zasnezennom-krauu>
24. Уткин К.Д. *Төрүт культура: утумнар, ситимнэр*. Якутск: Бичик; 2004:278.
25. Кулаковский А.Е. *Ырыа-хоһоон*. Якутск: Бичик; 2012:367.
26. Манчаары норуот номоҕор: предания, легенды. Якутск: Як. книж. изд-во; 1972:380.
27. Мординов Н.Е.–Амма Аччыгыйа. *Талыллыбыт айымньылар*. Якутск: Як. книж.изд-во; 1944:310.
28. Яковлев В.С.–Далан. *Дьылҕам миэнэ*. Якутск: Бичик; 1994:448.
29. Аввакумов П.Д. *Өлбүт өтөхтөр*: роман. Якутск: Бичик; 1995:368.

References

1. Abashev VV. *Perm as a text*. Perm: Publishing House of Perm University; 2000:404 (in Russian).
2. Zamyatin DN. Local myths: Modern and geographical imagination. *Observatory of Culture*. 2009;(1):13-25 (in Russian).
3. Mitin II. Mythogeography: spatial myths and multiple realities. *Communitas*. 2005;(2):12-25 (in Russian).
4. Shi L, Zhu Q. Urban space and representation in literary study. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;(6):223-229. DOI: 10.4236/jss.2018.69015 (in English).
5. Donovan P. *No Way of Knowing Crime, Urban Legends, and the Internet*. New York City: Routledge; 2004 (in English).
6. Enders J. *Death by Drama and Other Medieval Urban Legends*. University of Chicago Press; 2002 (in English).

7. Toporov VN. *Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoeic*. Moscow: Progress-Culture; 1995:624 (in Russian).
8. Lotman YuM. *Semiosphere*. SPb: Iskustvo-SPb; 2001:704 (in Russian).
9. Tyupa VI. *Analysis of a literary text*. Moscow: Publ. House "Academia"; 2006:336 (in Russian).
10. *Historical legends and stories of the Yakuts*. Part 1. Moscow; Leningrad: USSR; 1960:340 (in Russian).
11. Ksenofontov GV. *Elleuada: materials on the mythology and legendary history of the Yakuts*. Moscow: Nauka; 1977:256 (in Russian).
12. Kulakovskiy AE. *Scientific works*. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1979:484 (in Yakut).
13. Ergis GU. *Essays on Yakut folklore*. Yakutsk: Bichik; 2008:408 (in Russian).
14. Parfenova OA. The foundation of the town of Yakutsk in a mythological aspect *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:14-19 (in Russian).
15. Pokatilova IV. Images of the town of Yakutsk. *Arctic 21st century. Humanitarian sciences*. 2016;4:109-121 (in Russian).
16. Romanova EN. Ethnography of the city and semiotics of everyday life. *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:163-168 (in Russian).
17. *Yakut legends*. Yakutsk: Yakut Publishing House; 1977:303 (in Yakut).
18. Borisova-Sleptsova A. *In search of the golden grain*. Yakutsk: Ayaar; 2022:370 (in Russian).
19. Gogolev IM. *Black crane*. Book 2. Yakutsk: Yakut Publishing House; 1982:288 (in Yakut).
20. Petrov PP. *Streets and squares of Yakutsk*. Yakutsk: Bichik; 2002:112 (in Russian).
21. Dyakonov VM. Ancient cemeteries on the territory of the city of Yakutsk. *Yakutsk: history and modernity (to the 370th anniversary of the city)*. Yakutsk: 2002:214-219 (in Russian).
22. Neustroev ND. *My native land, my beloved people*. Yakutsk: Bichik; 1995:336 (in Yakut).
23. <https://1sn.ru/nasedsaya-vecnyi-pokoi-v-zasnezennom-krayu>
24. Utkin KD. *Traditional Yakut culture*. Yakutsk: Bichik; 2004:278 (in Yakut).
25. Kulakovskiy AE. *Songs, poems*. Yakutsk: Bichik; 2012:367 (in Yakut).
26. Manchars in folklore. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1972:380 (in Yakut).
27. Mordinov NE. Amma Achchyygia. *Selected works*. Yakutsk: Yakut Publ. House; 1970:748 (in Yakut).
28. Yakovlev VS. Dalan. *My destiny*. Yakutsk: Bichik; 1994:448 (in Yakut).
29. Avvakumov PD. *Dead camps*. Yakutsk: Bichik; 1995:368 (in Yakut).

Сведения об авторе

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклористики и литературоведения, ФГБУН ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН», Якутск, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-2957-5233, e-mail: Noyeva79@mail.ru

About the author

Sargylana E. NOEVA (KARMANOVA) – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2957-5233, e-mail: Noyeva79@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 19.03.25

Принята к публикации / Accepted 14.05.25